

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начиная свое путешествие в мир американской философии, я вовсе не подозревала о том, что мои путевые заметки станут основой этой книги. Мне казалось, что многочисленные страницы моих заметок и интервью, сохраненные магнитофонной лентой, могут быть использованы только для сопоставления разных оценок истории американской мысли XIX столетия, книгу о которой я в то время писала для издательства Латерца. Однако неожиданные переплетения и содержательность этих девяти бесед с наиболее значительными американскими философами склонили меня к тому, чтобы придать им некую самостоятельную форму.

Невозможно забыть снежное утро встречи с Уиллардом Ван Орманом Куайном и впечатление от его «стратегической» мудрости; вдохновенные порывы Роберта Нозика; беседы по самым разным вопросам с Хилари Патнэмом и Стэнли Кейвлом в Эмерсон-холле, этом сердце Гарварда. Остались в памяти и долгая прогулка с Ричардом Рорти под белым портиком университета в Вирджинии — чудесным произведением джефферсоновской архитектуры; и открытие точного и удивительного мира Аласдэйра МакИнтайра; и типично нью-йоркские вечера с Артуром К. Данто и его женой Барбарой; и дискуссии в Бостоне на городской квартире Томаса С. Куна; и, наконец, путешествие с Дональдом Дэвидсоном по средневековым улочкам Сан-Марино, где мы были по приглашению Умберто Эко и его Международного центра по семиотике и когнитивной науке.

Я сердечно благодарна всем им. Хотела бы поблагодарить также Альдо Джорджо Гаргани, оказывавшем мне постоянную вдохновляющую поддержку, Энрико Мистретта, встретившего с энтузиазмом мой проект, и фонд Св. Павла в Турине, финансовая поддержка которого позволила мне закончить эту книгу.

Нью Йорк, сентябрь 1990

АТЛАНТИЧЕСКАЯ СТЕНА НОВАЯ КАРТОГРАФИЯ

Лишь несколько десятилетий отделяют итальянские путешествия Винкельмана, Гете и представителей классицизма от трансатлантического приключения Алексиса де Токвиля, автора книги «Демократия в Америке» («*Democracy in America*») — первого манифеста американского мифа. Однако между ними существует фундаментальное различие. Первые были *великими походами*, раскрывающими историю источников, исследующими давно похороненные, но все еще плодотворные формы Западной культуры. Путешествие де Токвиля было скорее *отходом* (detour), отважным движением от центра к периферии «до крайних пределов европейской цивилизации». Америка, постоянно раздвигающая границы освоенных поселенцами земель, всегда казалась путешественнику из Европы неизведанным краем, в котором новая история шла необычными путями.

Необычность этой истории пронизывает также современную философскую культуру Америки, которую часто пытались подгонять под европейские образцы и почти никогда не анализировали как нечто самостоятельное. С позиции критики можно сказать, что у нас, европейцев, нет категорий, необходимых для адекватной интерпретации американской философии. Как в живописи кубизма, контуры представляются разорванными, смещенными как будто бы неким взрывом так, что восстановить их невозможно. Друг на друга налагаются самые разные перспективы, каждая из которых внушена отдельной, специальной точкой зрения. Пытаться реконструировать очертания этого разорванного портрета значит столкнуться с «Атлантической стеной» («the Atlantic wall») взаимного непонимания, которая долгие годы разделяет философскую жизнь на двух берегах Атлантики.

Цель настоящей книги, содержащей девять бесед с некоторыми из наиболее видных действующих лиц современной американской философии, заключается в том, чтобы преодолеть эту стену, которая в отличие от многого другого в прошлом и настоящем Европы создана обширным пространством воды. Преодолеть «стену Атлантики» отнюдь не означает разрушить ее с помощью кирки и лопаты, для этого нужно нанести на карту ее очертания и научиться разбираться в ее особенностях.

С этой целью я подобрала здесь материалы из разнообразных источников в надежде установить некоторые взаимоотношения между дисциплинами, представители которых не часто общаются друг с другом. Специфичные логико-лингвистические ориентации Уилларда Ван Ормана Куайна и Дональда Дэвидсона противопоставлены более широким и междисциплинарным течениям мысли, представленным вариантами неопрагматизма Ричарда Рорти и Хилари Патнэма, а также неоскептицизмом Стэнли Кейвля. Теория плюралистического анархизма, сформулированная Робертом Нозиком в теоретической и политической областях, сопоставлена с неопрундалментализмом Артура К. Данто, сознательно разделившего свои интересы между философским исследованием и художественными экспериментами. Гипотеза Томаса Куна о сменяющихся парадигмах научных эпох сталкивается с одним из наиболее известных вариантов широко распространенного историцизма — с этикой «добродетелей» Аласдэйра МакИнтайра.

Побуждение осуществить такое «сопоставление» исходит от самих действующих лиц и обусловлено оригинальностью их достижений, направленных на демократизацию мышления, исследующих те тонкие грани, которые отделяют возможности теории и создание универсальной законченной системы. В этой философии нет системы, существует лишь открытость ко всем новым возможностям и стремление к их интеграции. Как в свое время путешествие де Токвиля, она ставит вопрос о границах познанного: эта вечно меняющаяся граница сама становится теоретической категорией, неким новым центром, а не просто периферией Западной культуры.

Во время своего путешествия я попыталась составить новую карту американской философской культуры. С одной стороны, я нарисовала более полную картину истории американской философии после Второй мировой войны. С другой стороны, я попыталась включить в нее одну философскую тенденцию, которая до сих пор весьма превратно истолковывается и является общей для некоторых американских и европейских философов, а именно, стремление к выработке эпистемологической оценки собственного отношения к традиции. Диалог с наиболее близкой к современности традицией, а ею является традиция аналитической философии, для многих американских авторов оказывается важным средством интеллектуального развития. Правильное понимание этой тенденции помогает, как мне представляется, установить еще один способ связи

между двумя берегами Атлантического океана. Этот еще мало исследованный способ уменьшает расстояние между современной американской философией с ее явно научным самовыражением и более литературными европейскими дискуссиями, занимающими пространство от французского постструктурализма до множества итальянских вариантов «нестроного мышления» [*weak thought*] и постмодернистской герменевтики¹.

Для французов исходным пунктом остается структурализм, с самого начала тесно связанный с хайдеггеровской проблематикой онтологического различия. Итальянцы опираются на ту линию мысли, которая, начиная с Хайдеггера и Ницше, проходит через всю *среднеевропейскую* (*mitteleuropäean*) философию XX века. В отличие от этого традиция, к которой постоянно обращается мысль американских философов, есть традиция аналитической философии. Именно поэтому для описания современной американской философии мы используем сложносоставной термин «постаналитическая философия»².

¹ О понятии «нестроного мышления» см. работы: *Vattimo Gianni*, *The End of Modernity* (1988); его же, *The Adventures of Difference* (1993) и подготовленную к печати антологию: *Weak Thought*, ed. *Vattimo Gianni*, *Rovatti Pier Aldo*, которые все опубликованы издательством университета Джона Гопкинса. В качестве введения в дискуссии среди итальянских философов см. выпуски 1 (1986) и 2 (1988) журнала «*Differentia*», в частности, статью: *Carravetta Peter*, *Repositioning Interpretive Discourse: From the "Crisis of Reason" to "Weak Thought"* (*Differentia* 2: 83—126).

² Это понятие впервые было использовано в программной антологии «*Post-Analytic Philosophy*» (New York: Columbia University Press, 1985), ed. *Rajchman John*, *West Cornel*. Она остается одной из немногих успешных попыток историко-критической реконструкции теоретической панорамы в Соединенных Штатах. Опираясь на тезис о том, что теоретическая мысль американцев колеблется от философии политики (Томас Нагель, Джон Ролз, Т. М. Скэнлон, Шелдон С. Уолин) до теории языка (Дональд Дэвидсон и Хилари Патнэм), от философии науки (Томас С. Кун и Ян Хакинг) до эстетики (Артур К. Данто, Гарольд Блум и Стэнли Кейвл), эта антология дает очерк нового интеллектуального сообщества, черпающего стимулы из переработки внушительного наследия аналитической философии. Выражая свои симпатии к возрождению прагматизма, разрабатываемого Ричардом Рорти и Ричардом Дж. Бернштейном, которые также включены в антологию, Райчман в своем глубоком введении отмечает некоторые «направления американской философии, пришедшие на смену философии анализа». Среди них он указывает возникновение нового «общественного» интереса к философии, общую тенденцию к преодолению специализации», что понимается не просто как «сотрудничест-

Мышление этого типа, относительно которого спорят между собой персонажи данной книги, все еще не пришло к окончательной интерпретации более ранней философской реальности, которая на протяжении двадцати лет изменила образ американских дискуссий. В период от тридцатых до шестидесятых годов, от кануна Второй мировой войны до Вьетнамской войны, американская философия из социально ангажированного междисциплинарного предприятия превратилась в высшей степени специализированное занятие.

По-видимому, ответственность за эту метаморфозу несет аналитическое движение. Склонность к точным формальным проблемам и пренебрежительное отношение к любым формам историко-литературной образованности открыто противопоставлялись тому направлению европейской или «континентальной», как ее называли, мысли, которое, возникнув после идеалистического переворота, совершенного Гегелем, породило впоследствии феноменологию и экзистенциализм, а также содействовало возникновению дисциплин с большим философским содержанием, например, психоанализа.

За исключением переходной фигуры Куайна, постаналитическая мысль истолковывает предшествующую аналитическую традицию в соответствии с двумя интерпретациями. Первую из них можно было бы описать как интроспективное блуждание в лабиринте «анализа» с использованием его собственных лингвистических средств. Среди авторов этого лагеря можно назвать Дэвидсона, наиболее тесно связанного с логической традицией. Сюда же относится политический философ Нозик и многосторонний мыслитель Данто, сфера интересов которого простирается от эстетики до философии истории.

Второй подход вдохновляется решением идти дальше, за аналитический горизонт. Указывая на ошибки и промахи анализа, пытаясь построить новый язык и задать набор новых референтов, это второе направление поддерживается такими широко мыслящими философами, как Патнэм, Рорти и Кейвл. Однако к ним примыкают и те исследователи, активность которых проявляется в более специальных областях, например, в философии науки в случае Куна и в этике — для МакИнтайра. Решительно отказываясь от ограничений аналитической философии, они

во представителей специальных областей, а как стремление к разработке новых областей» (р. XIII); и возрождение интереса к истории, совершенно отсутствующего в научном базисе аналитического стиля.

стремятся найти путь, ведущий за Геркулесовы столбы — к границам значения, языка и философской истины, которые должны быть поняты и проанализированы как универсальное средство построения дисциплинарного и гуманистического словарей, соединяющих политическую сторону с научной.

В своих усилиях нарисовать эту «новую карту» современной американской философии я стремилась к максимальной полноте и правдивости. Однако отсутствие каких-либо более ранних попыток вскрыть исторические и генеалогические корни этой области вынудило меня опираться только на мое личное восприятие. Мне представляется, что философы, принимающие участие в данных беседах, являются наиболее характерными представителями различных областей современной философии. В то же время я понимаю, что многие, заслуживающие не меньшего внимания, остались в стороне. Среди них я хотела бы упомянуть Нельсона Гудмена, который вместе с Куайном содействовал становлению в Соединенных Штатах нового способа философского мышления; Сола Крипке и Джерри Фодора, радикально преобразовавших философию языка; Джона Сёрля, который, следуя за Витгенштейном и Остиным, творчески переформулировал «философию обыденного языка»; Ноама Хомского как родоначальника генеративизма и, наконец, Джона Ролза, который вписал политическую мысль в новую структуру неоконтрактивизма³.

³ Это «политическое» крыло постаналитической философии заслуживает специального рассмотрения (см. прим. 9 относительно споров о либерализме). Здесь следовало бы упомянуть по крайней мере Томаса Нагеля, Рональда Дворкина, Т. М. Скэнлона, Шелдона С. Уолина, Роберто Ангера и Майкла Уолцера. Отсутствие Джона Ролза в совокупности предлагаемых ниже бесед никоим образом не означает отрицания центрального места, занимаемого им в постаналитическом контексте. Его неоконтрактивистская концепция, изложенная в книге «Теория справедливости», написанной в 1971 г., заявила о независимости морального горизонта от лингвистических и эпистемологических предпосылок аналитического исследования и оказала революционное воздействие на всю область политической философии (см.: «A Kantian Conception of Equality» [The Cambridge Review, February 1975, p. 94—99]). Это утверждение о взаимной автономии горизонтов исследования внесло оживление в дискуссии по проблемам этики, в свете которых можно по-новому перечитать сочинения Нозика и МакИнтайра, как бы сильно они ни отличались друг от друга.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

Аналитическое «приключение», начавшееся в середине тридцатых годов, привело к эпистемологическому разлому стержня американской философии, к образованию на нем рубца, разделившего ее историю на две части.

Спасаясь от расовых и политических преследований со стороны нацистов, почти все философы средней Европы эмигрировали в Соединенные Штаты перед началом Второй мировой войны и надолго устроились за океаном. Термин «аналитическая философия» относится к той области исследований, которая отличается повышенным интересом к логике и лингвистике и возникает благодаря этой волне эмиграции. В нее включаются такие авторы, как Рудольф Карнап, Ганс Рейхенбах, Карл Гемпель, Отто Нейрат и Герберт Фейгль. Если говорить более конкретно, то этот термин обозначает неопозитивистское направление, появившееся после того, как идеи представителей Венского кружка были пересажены на почву Америки.

Нет сомнений в том, что на эту историческую встречу американская философия пришла сильно дезориентированной и более чем когда-либо открытой для проникновения в нее новых идей. Основатели первой разновидности прагматизма — Чарльз Сандерс Пирс и Уильям Джеймс — умерли уже более тридцати лет тому назад. Даже самый младший представитель прагматизма и его междисциплинарной и общественной деятельности — Джон Дьюи — быстро старел вместе с Франклином Д. Рузвельтом и его Новым курсом, который он настойчиво поддерживал и даже отчасти вдохновлял. В 50-е годы на прагматистском горизонте появилось несколько фигур, активность которых проявилась в сфере наук о человеке, например, психолог-бихевиорист Б. Ф. Скиннер и социолог-функционалист Толкотт Парсонс, основатель теории социальных систем.

В этой атмосфере распада великих мифов впервые после смерти Пирса в 1914 г. начал возрождаться интерес к логике, в частности, к той фундаментальной роли, которую она играет в математике. Возникнув в Германии в конце XIX столетия благодаря Готтлобу Фреге и уроженцу России математику Георгу Кантору, создателю теории множеств, эта тенденция получила законченное выражение у Бертрانا Рассела и Альфреда Норта Уайтхеда в их труде «*Principia Mathematica*», созданном в Англии между 1910 и 1913 гг.

Распространение идей «*Principia*» вместе с постепенным формированием логистического направления в прагматизме, стимулированным К. И. Льюисом из Гарварда, подготовили условия для изменения той ветви *среднеевропейской* мысли — Австрии, Чехии и Польши, — которая называлась логическим позитивизмом, или неопозитивизмом. Европейским центром объединения этих движений стал Венский кружок. Это имя, которым уроженец Берлина философ Мориц Шлик окрестил в 1922 году свой семинар, возникло в ходе его дискуссий с Гансом Рейхенбахом по поводу значения теории относительности Эйнштейна. Основной вклад в философскую ориентацию Кружка внесло обсуждение «Логико-философского трактата» (1921 г.) Людвиг Витгенштейна — труда, имеющего фундаментальное значение для всех неопозитивистов, эмигрировавших в Соединенные Штаты.

В самый пик этой культурной революции, в 1932 году совсем еще юный американец, Уиллард Ван Орман Куайн, прибыл в Вену с желанием учиться у великих австрийских мыслителей. Готовый посвятить свою жизнь математической логике, которую он считал единственно важной философской дисциплиной, Куайн только что получил докторскую степень в Гарвардском университете, где он учился под руководством Льюиса и Уайтхеда, переехавшего туда из Англии в 1924 году.

С момента первого путешествия Куайна в Европу, история Венского кружка стала переплетаться с историей американской философии. В 1936 году, после убийства студентом-нацистом Морица Шлика на ступенях Венского университета, последние представители логического позитивизма эмигрировали в Соединенные Штаты, устроившись в Гарвардском и Принстонском университетах — в первом благодаря помощи Куайна, а во втором — при посредстве математика Алонзо Чёрча.

В Америке аналитическая философия всегда противопоставлялась европейскому мышлению. Противопоставление «аналитической» философии «континентальной» фактически было одним из наиболее важных исторических следствий перемещения логического позитивизма в Соединенные Штаты. Отвергнув ранее распространенные трансценденталистское и прагматистское направления, глубоко погруженные в общественные и междисциплинарные проблемы, американская философия претерпела значительные изменения после Второй мировой войны. Антиметафизическая направленность побуждала представителей Венского кружка относить себя к «уче-

ным», а не к гуманитариям. Похожим образом философская мысль Америки отгородилась от Европы и прежде всего — от множества современных экзистенциалистских и герменевтических направлений, которые даже в наши дни часто рассматриваются как выражение обскурантизма и нигилизма.

Вот это неприятие метафизики, которое стало мотивом дисциплинарного и географического изоляционизма аналитического направления, в иной форме уже содержалось в первых выступлениях Венского кружка. Метафизика представляла собой такое наследие, которое итальянские футуристы могли бы определить как *passatista*, т. е. как нечто консервативное, многословное, неспособное воспринять философское воздействие научных революций, которые как раз начали получать широкое признание — от теории относительности Альберта Эйнштейна до принципа неопределенности Вернера Гейзенберга. С той же ожесточенной решимостью, с которой художественный авангардизм стремился преобразовать параметры зрительного и звукового восприятия, логический позитивизм лелеял надежду очистить философию от метафизических аппроксимаций и перестроить ее на строго научной основе.

Руководствуясь убеждением, что логическая символика, разработанная Фреге и авторами «*Principia Mathematica*» Расселом и Уайтхедом, давала инструмент построения идеального и логически завершенного языка, члены Венского кружка предложили создать «универсальный язык» науки. Философское значение построения такого языка единой науки прежде всего должно было заключаться в том, чтобы устранить разрыв между словами и опытом, а также избавиться от всех двусмысленностей обыденного языка, лежащих в основе рассуждений современных метафизиков, начиная с идеалистической реакции Гегеля против Канта.

Символом этой мечты стал проект создания «Международной энциклопедии унифицированной науки», завершённый в конце тридцатых годов Карнапом и Нейратом при содействии американцев Чарльза Морриса и Джона Дьюи на базе Чикагского университета. Состоящая из серии монографий, каждая из которых была посвящена конкретной философской дисциплине, «Энциклопедия» не ставила цель построить определенную систему науки, а стремилась как-то интегрировать методы и результаты конкретных наук.

С течением времени универсальный проект неопозитивистов постепенно трансформировался в тщательное рассмотре-

ние логических подробностей. Аналитическим философам Америки Венский кружок оставил в наследство несокрушимую уверенность в том, что они разрабатывают область, которая сохраняет устойчивость во времени и имеет четкие дисциплинарные очертания. Результатом явилось общее стремление разрабатывать тонкие логические проблемы, а не выдвигать новые воззрения на мир.

Вся эта изощренная техника экспликации и аргументации, породившая стилистически бесцветные сочинения, стремившиеся быть как можно более объективными, оборвала эпоху общедоступности американской философии. Эта эпоха началась в середине XIX столетия благодаря Ральфу Уолдо Эмерсону — поэту, писателю, проповеднику унитаристской церкви, наставнику философского движения трансцендентализма, и достигла своего высшего расцвета в первые десятилетия XX века в многогранном прагматизме Джона Дьюи.

ПОСТАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА

С точки зрения социологии познания, излом американской философии, обусловленный аналитическим движением, имел два взаимосвязанных следствия: он изолировал философию от мира гуманитарного знания и в то же время возбудил философский интерес к другим дисциплинам. В самом деле, такие новые сферы академического исследования, как контент-анализ, культурологическая критика и гендерные исследования ⁴ [*gender studies*], которые родились одновременно с включением философии в границы логического анализа, стали главными хранилищами европейской мысли в Америке. В особенности это верно для самой последней фазы развития европейской мысли, в сокращенном виде включенной в контекст

⁴ Этот расцвет новых дисциплин, включающих в себя теорию перформанса, теорию гомосексуализма и лесбиянства, на которые подразделяются гендерные исследования, феминистские исследования, исследование проблем черных американцев и многие другие, вообрал в себя значительную часть европейских онтологических учений и объединил их под общим названием «социального различия». Хорошим примером в этом отношении может служить сведение французской философии *разнообразия*, восходящей к онтологической проблематике несовместимости бытия и сущего, открытой Хайдеггером, к «различиям», характерным для новых социальных объектов, например, для феминизма или этнических меньшинств.

гуманитарных наук в Америке. Я имею в виду французских последователей Хайдеггера и немецких постмарксистов, группу философов *разнообразия* (*différence*), включающую Мишеля Фуко, Жюльена Делёза и Жака Деррида, и некоторых последователей Франкфуртской школы, таких как Юрген Хабермас.

Таким образом, прибытие неопозитивистов на восточное побережье США в канун Второй мировой войны породило два взаимосвязанных следствия. Во-первых, произошла необратимая профессионализация философии, которая с тех пор стала чуждаться публичных дискуссий и вообще стала отдаляться от новых веяний интеллектуальной жизни. Во-вторых, значительно повысился философский уровень гуманитарных наук, что способствовало расцвету новых дисциплин с высоким уровнем теоретичности. Антигуманитарная направленность аналитической философии привела к тому, что диалог с неаналитической европейской мыслью по большей части лег на плечи литераторов, создававших обширные программы и центры междисциплинарных исследований специально для этой цели ⁵.

Если вообще можно говорить о некоторой общей основе включения философской — онтологической, эпистемологической, метафизической — проблематики в литературно-эстетический контекст, то это безусловно расширение понятия «текст» ⁶.

⁵ Среди многих других можно указать: Центр исследований двадцатого века в университете штата Висконсин, возглавляемый Кэтлин Вудвард и созданный благодаря Ихабу Хассану — новой исторической фигуре постмодернистской эпохи; Центр по истории сознания в Калифорнийском университете в Санта Крус, возглавляемый Хэйденом Уайтом — организатором бесчисленных конференций по «текстуализму» и деконструкции; Центр критического анализа современной культуры в университете Ратгерс, ориентированный, прежде всего, на гуманитарные науки и взаимосвязь философии с социологической мыслью.

⁶ Понятие автономного и неразложимого «текста» выходит на передний план в связи с широким распространением в Америке Нового критицизма в начале Второй мировой войны. Отрицание референциальности и исторических условий создания текста придавало критицизму «объективность» и независимость от позиции автора текста. Это отрицание субъективности понимания, включающее в литературную теорию целый ряд философских вопросов, напоминает идеи структурализма во Франции и развивается почти одновременно с ним. Таким образом, интерес к понятию текста содействовал проникновению континентальной философии на факультеты английского языка, сравнительного языкознания, иностранных языков и литератур. Приблизительно в конце

Перевод европейской философии в «текстуалистский» словарь является реальностью современной американской жизни — реальностью, которая лишь в самые последние годы стала анализироваться с более широкой точки зрения постаналитического мышления. Детонатором послужила публикация труда Ричарда Рорти «Последствия прагматизма» в 1980 году. Сегодня рассуждения о реальной «стене», разделившей философию по двум сторонам Атлантики, занимают центральное место в теоретических дискуссиях, в чем можно убедиться из представленных ниже диалогов.

Однако при изображении новой карты американского мышления философский вес некоторых областей гуманитарных наук способен внести определенные искажения. Эти искажения еще больше возрастают, если признать оригинальность некоторых «текстуалистских» теорий. Именно так обстоит дело с Йельскими критиками — Полом де Маном, Джеффри Хартманом и Дж. Хиллисом Миллером. Именно им, начиная с 1960-х годов, мы обязаны оригинальными разработками деконструкции, начатыми во Франции Жаком Деррида.

Рядом с Йельскими критиками и благодаря тому, что его имя в течение долгого времени ассоциировалось с этой группой, встает фигура еще одного литературного критика, Гарольда Блума, который заново переосмыслил онтологическое значение рассуждений Хайдеггера и Гадамера в свете интерпретативной традиции еврейского мистицизма. Наконец, среди других имен, блистающих в этом созвездии, следует упомянуть имена Эдварда Сэда и Фредрика Джемисона, которые также, хотя и иным способом, предложили использовать текстуальный анализ в социальных науках, переводя эпистемологические проблемы «другого» (чего-то абстрактно единичного) в социологические проблемы «других» (кого-то еще, конкретно множественного). Однако добавление сюда проблем, связанных с этническими меньшинствами, сделало весь этот подход чрезвычайно неясным.

Исследователи сохраняющегося значения философии концентрируются вокруг понятия «текст». Подчеркивая свою роль царицы наук, философия неявно пробуждает воспоминания о своем прошлом, когда она была более демократичной, более литературной, больше заботилась о форме своих сочинений.

шестидесятих годов Новый критицизм был вытеснен деконструкцией, являющейся следствием постструктурализма.

Как некое межкультурное средство общения, сохраняющее для последующих поколений всю полифонию познания, этот новый, в высшей степени теоретичный вариант гуманизма возрождается в постфилософском мышлении⁷. Префикс «пост» говорит о все том же уменьшении исторического значения философии.

Эти философские притязания гуманитарных наук интересно сопоставить с границами постаналитической философии, которых придерживаются участники приводимых ниже бесед. Центром их размышлений остаются те трансформации, которые были внесены в американскую мысль аналитическим движением: с одной стороны, она становилась все более и более безразличной к главным идеям, воодушевлявшим континентальную европейскую философию, с другой стороны, она разорвала связи с философским мышлением, господствовавшим до Второй мировой войны, в частности, с тем направлением мысли, которое от трансцендентализма Эмерсона вело к прагматизму XIX и XX вв. — к Пирсу, Джеймсу и Дьюи.

Отказ от рассмотрения философской аргументации в исторической перспективе был характерной особенностью аналитического течения уже в самом его начале — в логическом позитивизме. Начиная с анализа значения теории относительности в работе «Философия пространства и времени» (*Philosophy of Space and Time*, 1928 г.), Ганс Рейхенбах рассматривал философию как чистую эпистемологию, возлагая на нее обязанность открывать с помощью логического анализа фундаментальные принципы научного познания. Столь объективное концептуальное средство является внеисторическим, а аналитическая рефлексия вырывает философию из потока времени. Она защищает философию от деградации, которая неизбежно ведет к распаду философской картины мира.

Всего лишь через два года после деклараций Рейхенбаха, Мориц Шлик в работе «Преобразование философии» (*The Transformation of Philosophy*) провозгласил, что философия является не наукой в смысле собрания истин, а скорее представляет собой последовательность действий, направленных на прояснение смысла утверждений. Затем в «Логическом по-

⁷ Этот подход, не допускающий никакого дисциплинарного разделения, включает теорию текста и деконструкцию в эстетические эксперименты постмодернизма, см.: *Rorty Richard, Consequences of Pragmatism: Essays 1972—1980* [Minneapolis: Minnesota University Press, 1988]; *Giovanna Borradori, Il pensiero post-filosofico* [Milan: Jaca Book, 1988].

строении мира» (*The Logical Construction of the World*) Карнап вообще свел философию к чисто логическому анализу научных рассуждений. Таким образом, логика и синтаксис науки стали совпадать в настоящем, лишенном истории, о которой лишь двадцать лет спустя осмелились вспомнить некоторые постаналитические авторы, в частности, Кун и Рорти.

МЕТАМОРФОЗЫ КУАЙНА

Уединившись за стенами анализа, американская философия оказалась одной из немногих дисциплин, которые остались почти безразличными к великим событиям послевоенной истории — от войны в Корее до маккартизма. Более двух десятилетий философия должна была ждать, пока постаналитическое движение бросит вызов ее изоляции. Этот сдвиг был осуществлен авторами, пережившими Вторую мировую войну в молодые годы и находившимися под глубоким влиянием великих эмигрантов из средней Европы в свои студенческие дни до тех пор, пока сами они не стали учителями.

Куайн представляет собой исключение, воплощающее эти изменения. Он познакомился с группой неопозитивистов в Европе, в начале 30-х годов, когда они еще работали вместе в Венском кружке. Из Америки, все еще восторгалась гуманистическим пафосом Дьюи и перспективами Нового курса, Куайн попал в самое начало нацистской эпохи, и его визит в Вену в 1932 году явился одним из тех неожиданных событий, которые изменяют историю развития идей.

Именно этот момент отмечает зарождение аналитической философии в Америке. Благодаря массовой эмиграции крупных европейских логиков и пропагандистской работе Куайна вместе с некоторыми другими авторами американская философия во второй половине 30-х годов полностью вошла в лабиринт логических исследований. Но, как истинный владыка этого лабиринта, Куайн открыто демонстрирует свою двойственную сущность: будучи главой философов-аналитиков, вооруженный самой изощренной Венской логикой, пересаженной на почву Америки, Куайн оставался прагматиком и сторонником метода экспериментальной верификации.

Поэтому возникает вопрос: является ли он последним аналитическим философом или первым постаналитиком? И даже если на этот вопрос трудно ответить, несомненно то, что Куайн сыграл ключевую роль как предшественник целого поко-

ления. В самом деле, именно Куайн подготовил первый значительный акт постаналитического мышления — переосмысление логического позитивизма с точки зрения прагматизма и бихевиоризма.

После десяти лет, посвященных разработке одной из наиболее важных проблем Венского кружка — вопросу о роли логики в обосновании математики (результатом этой работы стала публикация в 1949 году «Математической логики»), Куайн предпринял первую важную постаналитическую атаку на логический позитивизм. Название вышедшего в 1951 году сочинения «Две догмы эмпиризма», которое родилось в дискуссиях с другим предшественником постаналитического мышления, Нельсоном Гудменом, вполне выражает содержание этого нападения. Оно проводилось в форме опровержения наиболее важного, быть может, пункта в рассуждениях венцев, а именно, различия между аналитическими и синтетическими суждениями, на которое опиралась эпистемологическая первичность логического анализа и из которого, между прочим, выводили само название «аналитической» философии.

Для логического позитивизма, по крайней мере, для его первого варианта, аналитические суждения (например, «Если идет дождь, то идет дождь») благодаря отсутствию в них эмпирического содержания являются лишь необходимыми условиями познания. Синтетические же суждения («В таком-то месте и в такое-то время идет дождь»), напротив, являются *апостериорными* утверждениями, поэтому их истинность зависит не только от лингвистических факторов, но и от той внешней реальности, о которой они говорят. Необходимый характер можно приписать только аналитическим истинам, которые ничего не говорят о реальности и опираются только на семантико-синтаксические свойства языка.

Критика Куайна состоит в указании на невозможность провести четкое различие между этими двумя видами истин. Хотя он допускает, что аналитические суждения можно организовать в стройные системы, такие как логика или математика, Куайн не признает, что они относятся к чистой логике.

В отличие от неопозитивистов, Куайн настаивает на том, что аналитическое утверждение, например, «Всякий холостяк не женат», не совпадает с чисто логическим суждением (таким как «Всякий x есть x »), поскольку истинность последнего суждения вытекает из того факта, что x ничего не обозначает, в то время как истинность первого утверждения в

значительной мере зависит от значения входящих в него терминов. Здесь понятие аналитичности сводится к понятию синонимии, а синонимия не может претендовать на абсолютную необходимость.

Куайн не смог бы придти к этим выводам, не опираясь на характерную для Америки прагматистскую традицию, сыгравшую столь важную роль в возникновении постаналитической философии. В случае с Куайном это не общедоступный и экспериментальный прагматизм в духе Джона Дьюи (как, например, для Рорти), а скорее посткантианское наследие, сохранившееся в работах по логике и эпистемологии К. И. Льюиса, у которого были заимствованы некоторые лингвистические средства, необходимые для совершения великого постаналитического поворота.

Наряду с этим Куайн ассимилировал онтологические и плюралистические идеи, которые, начиная с Уильяма Джеймса, постепенно входили в различные ответвления психологической мысли благодаря функционализму и бихевиоризму. С последним Куайн был явно связан благодаря тесному сотрудничеству со Скиннером. Реконструкция той онтологической перспективы, которая была объявлена *априорной* авторами Венского кружка (по крайней мере до их эмиграции в Америку), отмечает границы коперниканской революции Куайна.

Я считаю, что этот поворот к Скиннеру оказался тем решающим шагом, который привел Куайна в самый центр постаналитической философии, а именно, к проблеме неопределенности перевода. Какого рода трудности могут возникнуть при попытке перевода языка совершенно неизвестной культуры или необычного племени? Вопреки антропологическому сценарию, рассматриваемому сквозь экспериментальные очки бихевиоризма и ориентированному на демонстрацию логического порядка, Куайн показывает, что, как это ни парадоксально, но возможно составить несколько «руководств по переводу», которые будут различными и несовместимыми друг с другом. Оставаясь верным для своих индивидуальных авторов, каждое такое руководство очерчивало бы некоторый конечный универсум коммуникации, не будучи инструментом универсального перевода.

Начиная с теории парадигм Куна и до утверждения Рорти о «смертности» эпистемологических словарей, до этики «добротетелей» МакИнтайра, постаналитическое движение продолжает обсуждать этот центральный вопрос, который впервые поставил Куайн в работах «Слово и объект» (1960 г.) и «Онто-

логическая относительность» (1969 г.). Этот вопрос имеет решающее значение, поскольку он представляет точку пересечения американской постаналитической мысли и постмодернистских *différends*, провозглашенных Жан-Франсуа Лиотаром и французским постструктурализмом⁸.

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ПОЗНАНИЯ

Подобно мифическим Диоскурам, Кастору и Поллуксу, Дэвидсон и Патнэм являются самыми прямыми потомками Куайна. Сильно отличаясь друг от друга в разработке его наследия, оба они не намного ближе к краю постаналитической бездны, чем их учитель. Дэвидсон пытается включить вопрос об интерсубъективности в суровые перцептивные рамки эмпиризма, которыми все еще был ограничен Куайн. Патнэм вновь отстаивает прагматистский реализм, распространяя его не только на эпистемиологию, но также на этику и мораль.

Будучи лишь на десять лет моложе Куайна, Дэвидсон был его верным последователем со времен Второй мировой войны, на которую они оба пошли добровольцами и служили морскими офицерами. По сравнению с Куайном, этим первым великим критиком эмпиристских догм, Дэвидсон пошел еще дальше.

Верно, конечно, что мы знаем Куайна как человека, сохранившего возможность философии языка, разрушившего барьеры между структурой мышления (аналитическими суждениями) и его содержанием (синтетическими суждениями), но верно также и то, что он не подвергал сомнению законность эпистемологического субъекта, который для него как для эмпирика был некоторым образом «первичен» по отношению к миру. В конечном счете такая позиция является картезианской и даже солипсистой, ибо приводит к убеждению, что каждый из нас наделен способностью строить свой собственный мир, начиная с первично данных восприятий.

По мнению Дэвидсона, здесь мы имеем дело с некоторой разновидностью «третьей догмы» эмпиризма, которую следует

разоблачить, включив в его сердцевину этические и лингвистические проблемы интерсубъективности. Ни язык, ни мышление не организуют воспринимаемую реальность согласно фиксированным концептуальным схемам, поскольку и они, и мир являются лишь частью интерсубъективной концептуальной структуры.

Таким образом, даже тезис Куайна о несовместимости руководств по переводу становится сомнительным, поскольку Дэвидсон утверждает, что невозможно утратить способность говорить на языке, не утратив в то же время способность мыслить. Мыслить значит общаться. Полный универсум — как субъективный, так и объективный — схвачен герменевтической сетью знаков. Сама по себе реальность есть не что иное, как сплав языка и интерпретации.

В отличие от Куайна, нейрофизиология — физическая реальность возбужденной нервной системы во всей ее неповторимости и субъективной чувственности — отнюдь не является для Дэвидсона исходным пунктом. В постаналитическое мышление Дэвидсон вводит мысль о том, что субъект не обладает «личным мышлением», что у него нет возможности анализировать свои восприятия или реакции в строго субъективном смысле, существуют лишь «события», которые зависят от субъекта в том смысле, что он постоянно обменивается ими с другими людьми благодаря общению и речи, взаимодействуя с ними в одном и том же контексте значений.

Изменение мышления и познания не имеет ни корней, ни структуры — ни объективных, ни субъективных. Его никогда нельзя вернуть к началу, его можно приписать лишь динамическому взаимоотношению трех сторон, включающему в себя двух собеседников и ситуационный контекст.

Проблему необходимой интерсубъективности познания Патнэм ставит иначе, чем Дэвидсон. В согласии со многими другими постаналитическими мыслителями — от Рорти до Мак-Интайра — он возрождает прерванную традицию этического фундаментализма, типичного для прагматистов, ведущей фигурой среди которых в этом отношении был Уильям Джеймс.

В противоположность Дэвидсону Патнэм настаивает на том, что сфера объективного все-таки существует — это сфера нравственных *убеждений*. Сфера таких убеждений должна стать основой нового реализма, пусть даже он будет лишь контекстуальным, применимым лишь в конкретных ситуациях и в конкретные периоды времени. Отрицать существование множества концептуальных схем, растворять их в единствен-

⁸ Эта связь широко обсуждалась в дискуссиях на франко-американской конференции «La traversée de l'Atlantique», материалы которой были опубликованы в специальном выпуске журнала «Critique», 456 (Май 1985), ed. by *Descombes Vincent*. Упоминания об этой связи можно найти в текстах Лиотара «Postmodern Condition» и «Driftworks».

ной схеме взаимодействия, как это делает Дэвидсон, значит рисковать потерять референцию и, вместе с ней, способность к конструированию — самое эффективное орудие философского анализа. Именно по этой причине нельзя отбрасывать возможность «контекстуального» обоснования мира, даже если благодаря прагматизму ее уже нельзя больше истолковать иначе, чем в терминах морали.

Вопреки формализму, привитому к стволу американской традиции представителями венской школы, и в согласии с постулатами прагматизма Патнэм возрождает линию реалистического мышления. Вовсе не обязательно искать более глубокие основания, нежели *убеждения*: в своем органическом единстве они образуют устойчивый «моральный образ мира», некоторый канон моральной объективности, который даже в своей контекстуальной относительности представляется как *определенная реальность*.

По мнению Патнэма, философия отнюдь не является методом абстрактного эпистемологического контроля, как истолковывала ее аналитическая традиция. Не существует универсального метода, позволяющего устранить расхождения между двумя собеседниками, не касаясь содержания их беседы. Вместо этого у нас имеется моральная реальность мышления, понимаемого как синтез убеждений. Не само по себе противопоставление плюрализма монизму придает интерес этому неореалистскому послесловию и выделяет Патнэма в постаналитическом сообществе, а его утверждение несомненной множественности миров и исследование их ценности как «моральной объективности».

Таким образом, реалистская позиция Патнэма вносит в постаналитическое мышление гипотезу о моральном основании знания. В противоположность аналитической философии, он вновь обращается к гуманистическому характеру научных дисциплин. Однако признание приоритета морали явилось результатом опыта борьбы за свободу личности, который сделал некоторых постаналитических мыслителей «ангажированными» философами, особенно в шестидесятые годы.

В случае с Патнэмом эта ангажированность привела его в ранний период в ряды американских левых и противников войны во Вьетнаме. В более поздний период она пробудила в нем интерес к иудаизму, понимаемому как путь к мистическому истолкованию философии.

ВЫЗОВ КОНЦЕПТУАЛЬНОМУ ФОРМАЛИЗМУ

Критика нормативной ценности аналитического подхода характерна не только для Хилари Патнэма, она является общим элементом для всех постаналитических мыслителей. В философских построениях Роберта Нозика и Артура К. Данто она принимает формы, которые в некотором смысле можно рассматривать как дополнительные по отношению друг к другу. Для Нозика речь идет о радикальном отказе от той принудительной силы, которая неявно содержалась в формализме аналитического способа мышления. Философская аргументация, которую аналитическое направление заключает в определенные рамки во имя обоснованности и ясности, совпадает для Нозика с репрессивной эпистемологической моделью, против которой необходимо выдвинуть альтернативные модели. Однако, по мнению Данто, критицизм сам по себе приходит к эстетизации формалистского импульса. Хотя и в ослабленном варианте, аналитические концептуальные рамки сохраняются в архитектонике мышления, объединяясь с признанием ценности красоты и гармонии.

Либеральная альтернатива Нозика исходит из критического анализа понятия *аргументации*, которые пройдя через всю историю западной философии, становятся священным сначала благодаря логицистскому духу Венского кружка, а затем влиянию аналитического направления. Репрессивный потенциал понятия аргументации неявно содержится в буквальном значении английского слова «*argument*», т. е. «ожесточенный спор».

Вместе с Патнэмом и многими другими постаналитическими мыслителями, в том числе Кейвлом и МакИнтайром, Нозик не согласен с тем, что философию можно свести просто к науке об аргументации. Он не желает признавать, что если даны некоторые посылки и доказательство, то из них необходимо вытекает одно и только одно заключение, ибо именно эта схема приводит аналитическое направление к представлению об истине как о победе над собеседником. Вместо того, чтобы навязывать кому-то некоторое убеждение с помощью неопровержимой аргументации, более нравственно и эпистемологически более плодотворно стимулировать собеседника к альтернативным способам мышления.

Из аналитического словаря можно осторожно выделить понятие *объяснения* и включить его в новую схему ценностей

и целей. Противопоставленное принудительной силе аргументации, это понятие представляет оригинальный вклад Нозика в постаналитический поворот. Объективное знание может быть получено не построением неопровержимых доказательств, а нравственным совершенствованием человека, побуждающим его вырабатывать собственную, все более глубокую картину мира и все более свободно общаться с другими людьми.

Теоретическая работа Нозика вдохновлялась мечтой вытравить из философии дух примитивного и резкого спора и подвести под нее новый, более плюралистический базис понимания. С момента выхода в свет книги «Анархия, государство и утопия» (1974 г.) эта мечта получила выражение в политической философии в форме анархистских и демократических утопий.

Либеральной позиции Нозика, ориентированной на освобождение философии от жесткого панциря аналитического формализма, противостоит неоклассическая концепция Данто, который пытается спасти универсум логического анализа с помощью категорий красоты, меры и гармонии.

Для этого философа, работающего в тесном контакте с экспериментальным художественным авангардом послевоенного периода, инструментами анализа являются лишь те, которые приводят к «равновесию», неизбежно присущему каждой непротиворечивой концептуальной структуре. Тайна этого равновесия заключена в способности связывать идеи по образцу с физиологическим совершенством организма. Логический анализ достигает своей цели и обнаруживает свою трансцендентальную ценность, сводя ментальные и материальные объекты к их составным частям.

Канонизация аналитического дискурса в Америке объясняется академическим консерватизмом, против которого Данто выступает в полном согласии со всем постаналитическим направлением. Однако в отличие от Нозика и Патнэма он не ведет против него систематической войны. Для Данто анализ является наиболее чистым стилем мышления, «соответствующим природе» той философии, цель которой, аналогичная цели искусства, заключается в реконструкции гегелевской «чувственной материализации» идей.

ИРОНИЯ И СТРАХ (*dismay*): ДВА СПОСОБА СЕКУЛЯРИЗАЦИИ

Рассмотрение анализа как одного из стилей рассуждения среди других возможных стилей лишает его эпистемологию агрессивности. Такое рассмотрение, которое Данто приветствует как поэтическое, обретает взрывную критическую силу в работах целого ряда других авторов постаналитического периода. Два мыслителя, сильно отличающихся один от другого своим языком и выводами, Ричард Рорти и Стэнли Кейвл, разделяют мысль о том, что аналитическое направление представляет некий стиль мышления, распространенный в определенный исторический период развития англо-американской философии.

Если, начиная с Куайна, и в работах Дэвидсона, Нозика и Данто аналитический подход подрывался изнутри с помощью его собственных средств, то Рорти и Кейвл нападают на него извне. Будучи помещен в исторический контекст, аналитический подход теряет все связи с настоящим моментом, приобретает вид музейного экспоната, а его научные гипотезы выглядят как одна из систем среди множества других.

В аналитическом подходе обнаруживают массу недостатков, в частности, его обвиняют в канонизации философского дискурса, замкнутого в жесткие дисциплинарные и профессиональные рамки и тем самым отгораживающего философию от истории, культуры и общественной жизни. Этот разрыв был создан аналитической изоляцией, однако он преодолен благодаря возрождению двух основных традиций мышления в интеллектуальной истории Соединенных Штатов — прагматизма и трансцендентализма.

Рорти первым воскресил в новом обличье характерное для Америки направление мысли, начало которому в конце XIX века положил Чарльз Сандерс Пирс и Уильям Джеймс. Благодаря долгой жизни Джона Дьюи это направление сохранялось на протяжении первой половины XX столетия и лишь на время угасло в период между двумя мировыми войнами благодаря иммигрантам из Вены. Кейвл, со своей стороны, отстаивает трансцендентализм — это первое американское философское течение, которое возникло на волне интереса к европейскому идеализму и достигло своего пика в середине XIX века в творчестве Ральфа Уолдо Эмерсона и Генри Дэвида Торо.

Согласно неопрагматистской гипотезе Рорти, Дьюи задал некоторый образец, который не только не был превзойден, но

вряд ли даже исчерпан. Вместе с этим выдающимся представителем американского прагматизма Рорти расширяет постаналитический горизонт посредством переоценки того ряда континентальных мыслителей, который включает в себя Ницше, Фрейд и Хайдеггера, осужденного апостолами неопозитивизма за нигилизм и неясность.

Ядром собственного неопрагматизма Рорти является соединение прагматизма с разнообразной критикой метафизического абсолютизма, разработанного упомянутыми выше представителями европейской мысли. Он отстаивает полностью секуляризованную философию. Лишенная какой-либо абсолютной эпистемологической роли, царица наук принимает более гибкую, «демократическую» форму, более открытую для воздействия со стороны других наук.

Таким образом, философия больше не соотносится, говоря словами Канта, с «судом чистого разума». Она открывает, скорее, новое поле для образованного и пытливого дилетантизма, представители которого будут не профессионалами в области аргументации, а многосторонними мыслителями в духе Сократа, стремящимися к постановке новых проблем и к развитию того великого синтеза, который представляет собой культура.

Освободившись от ограничений анализа, который хотел бы превратить ее в научную дисциплину, философия осознает, что не существует конечного числа вопросов, требующих ответа, или конечного числа фундаментальных проблем. В соответствии с общим духом всех постаналитических мыслителей Рорти настаивает на том, что в этой новой фазе развития философии ценность обоснованности и систематичности вытесняется ценностью пролиферации и плюрализма. Это дает возможность увидеть философию в новом измерении — в измерении «постфилософской культуры».

Даже эпистемология определяется в терминах стиля как одна из разновидностей сочинений среди многих других, чья приверженность истине не дает ей превосходства над другими литературными жанрами. Выбор эпистемологического «стиля» обусловлен плодотворностью его интерпретативных средств, проходивших проверку на протяжении нескольких столетий западной истории. Отвергая любую форму фундаментализма, будь то аналитический или феноменологический фундаментализм, эта новая постфилософская культура стремится к новой гуманистической солидарности, объединяющей людей, народы

и различные дисциплины на основе осознания временного и случайного характера их словарей.

Вольтеровская ирония, характерная для тонкого прагматизма Рорти, уравнивается неоромантическим воодушевлением Стэнли Кейвла. Воплощением интеллектуального идеала новой постаналитической эры для него является не Дьюи, а человек, не имеющий ничего общего с европейскими эмигрантами периода между двумя мировыми войнами — Ральф Уолдо Эмерсон, который был проповедником, поэтом и философом пуританского Массачусетса, балансирующим между диалектикой немецкого идеализма и медитативным экстазом буддизма. Однако, как и Рорти, Кейвл не думает об Америке как об изолированном континенте. Вслед за Эмерсоном он видит сияние других звезд и замечает другие созвездия. Единственный среди постаналитических авторов Кейвл выдвигает оригинальное и неожиданное истолкование традиции скептицизма. С его точки зрения, скептицизм нельзя рассматривать как выражение разочарования и видеть его характерную особенность в безразличии по отношению к универсальным схемам познания, что лежит в основе его стандартного изображения от Пиррона и Карнеада до Монтеня и Юма.

Напротив, для Кейвла скептическая мысль проливает свет на драму самосознания, включающую в себя несоразмерность конечного и бесконечного, отчаяние, рожденное столкновением конечного человека с тайнами его земного существования — жизнью, смертью, вселенной.

Кейвл колеблется между романтическими реминисценциями, коренящимися в старой Европе, и трансцендентализмом, типичным для Америки, и его оригинальный вклад в постаналитическое направление состоит в привлечении внимания к проблеме субъективности. Он помещает эту проблему между философскими направлениями, представленными Джоном Остиным и Людвигом Витгенштейном. Полные экзистенциальных находок страницы сочинений этого художника *обыденного языка* выражают чуткое внимание к конечным измерениям повседневности, соединенное с осознанием нравственной ценности субъективности, нашедшей свое выражение в скептицизме.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СТАРЕНИЕ СЛОВАРЕЙ

Провозгласив свой тезис о неопределенности перевода, Куайн внес в постаналитический мир идею непереводаемости

индивидуальных словарей — исторических, культурных, философских — на некоторый универсальный язык. Это убеждение подспудно воодушевляет плюралистскую эпистемологию Рорти, в которой на философию возлагаются обязанности посредника, содействующего взаимному пониманию индивидуальных словарей, но уже не дающему метода их перевода в некий нейтральный и общепонятный язык.

Именно этот тезис представляется центральным для двух других постаналитических концепций. Одна из них принадлежит Аласдэю МакИнтайру, который не согласен с тем, что этика может стремиться к установлению абсолютно ясных принципов, независимых от исторического контекста, на который она опирается. Создателем второй концепции является Томас С. Кун — первый американский философ, который оторвал науку от древней рационалистической иллюзии и представил ее развитие в виде ряда сменяющих друг друга «научных» картин мира или парадигм.

Легко распутывая сети историцизма, в том числе и те, которые были сплетены его итальянским предшественником Джамбатиста Вико, МакИнтайр делает свой первый шаг, связывая либеральный проект с его идеологическим контекстом. Либеральный проект является одним из наиболее часто упоминаемых пунктов в постаналитическом универсуме рассуждения⁹. По мнению МакИнтайра, либерализм представляет

⁹ При изобилии теорий и индивидуальных концепций, фигурирующих в постаналитическом мышлении, либерализм все еще остается ключевой проблемой. Рорти пропагандирует его в эпистемологическом ключе как средство достижения сотрудничества научных дисциплин; теория справедливости Ролза придает ему неоконтрактуралистский характер, и принцип равенства при этом опирается на мысленный эксперимент или, по крайней мере, обусловлен индивидуальными сущностями, скрытыми «покровом неведения»; Сэндел выступает против Ролза, настаивая на том, что контрактуралистский выбор нельзя сделать, абстрагируясь от точного содержания этого выбора; в свою очередь, Нагель отбрасывает модель антагонистических социальных интересов и говорит о простом сосуществовании разнообразных «видов» принципа равенства. Это стремление к общей переоценке разделяется наиболее критичными трактовками либерализма. К критикам либерализма принадлежат: Уолин, пытающийся переосмыслить программу революционной деятельности якобинцев как предпосылку глобального преобразования общества; Скэнлон, склоняющийся к исторической контекстуализации контрактурализма; наконец, Роберто Унгер, который, колеблясь между теорией коммуникативного действия Хабер-

собой настолько фундаментальный ингредиент воспитания каждого американского философа, что он неустраним из интеллектуальной жизни. Нужно разоблачить его деструктивную природу, настаивает он, и в основу либерализма положить прогрессивное совершенствование традиционной формы «сообщества»; последовательное уничтожение тех социальных связей, которые со времен Древней Греции были неизменным компонентом нашего культурного прогресса.

Как и миры естественных языков, интеллектуальные и нравственные миры не допускают взаимного перевода. Не существует канонического языка, в котором можно было бы измерять, сопоставлять и судить ценности, основания, добродетели, выражаемые конкретным культурным универсумом. После краха идеологии Просвещения, неудачливым эпигоном которого, по мнению МакИнтайра, является либерализм, двадцатое столетие оказалось в состоянии крайней этической безысходности, которое и остается единственной альтернативой нищезанскому нигилистическому ниспровержению всех принципов и всякой нравственности.

Сегодня, когда мы полностью погрузились в «пучину мрака» современной эпохи, именно осознание деструктивности просветительского разума, породившего не только либерализм, но также и универсализм аналитической философии, дает нам надежду на новый ренессанс. Классическая Греция, старая любовь МакИнтайра еще со времен его ранних занятий классической филологией, предлагает нам образ гармоничной жизни, а аристотелевская теория «добродетели» образует ее структуру. Тотальный и универсальный образ добродетели исчезает, превращаясь в целое созвездие ценностей, гораздо более тесно связанных с реальной историей конкретных человеческих сообществ.

В полном согласии с этическими соображениями МакИнтайра Кун также провозглашает смерть рационалистического истолкования прогресса науки. Наука, с точки зрения этого истолкования, напоминает Стрельца — кентавра, наполовину животного, наполовину человека, — пытающегося разорвать свою связь с землей и запускающего стрелы познания в пространство для завоевания всей вселенной. Реальная наука, полагает Кун, совершенно безразлична к этому. Ее прогресс носит исторический характер, а ее результаты преходящи.

маса и новым контрактурализмом Ролза, стремится к созданию нового варианта «освободительного социального экспериментализма».

Развитие науки, говорит Кун, распадается на две фазы — «нормальной науки» и «революционного разлома». Первая фаза включает в себя постепенную разработку теоретической системы, некоторого воззрения на мир, соединяющего идеалы и технику экспериментирования, теорию и метод, — то, что Кун называет «парадигмой». Системы Птолемея и Коперника дают примеры научных парадигм, которые получали оправдание благодаря неизменным подтверждениям со стороны сообщества ученых, работавших в рамках этих парадигм. Однако подобно метеориту, ломающему стрелу кентавра, в жизнь парадигм в определенный момент вторгаются изменения. Наступает период кризиса, когда научные и философские основания парадигмы подвергаются пересмотру, консенсус научного сообщества постепенно и незаметно разрушается, а язык науки преобразуется.

Вместе с Рорти и МакИнтайром Кун настаивает на том, что, подобно философии, культуре и этике, наука представляет собой последовательность сменяющих друг друга, порой сосуществующих, различных парадигм, мировоззрений и структур мышления, которые совершенно не зависят друг от друга и в высшей степени непереводимы друг в друга. Целью науки вовсе не является получение все большего количества истин, ее развитие определяется простой эволюционной энергией. Это утверждение бьет по самой сердцевине философии Венского кружка — по той идее, будто наука и философия (понимаемая как научное предприятие) всегда и при всех условиях опираются на существование «протоколов наблюдения», не затрагиваемых течением времени и старением языка. Кун предупреждает постаналитическую философию: во время революционного разлома ученый остается один и не может надеяться на существование общедоступного словаря, в терминах которого он мог бы выразить подтверждение своих идей.

Таким образом, вооруженный только своим сознанием и чувством брэнности своих результатов, ученый вместе с философом приходит к совершенно секуляризованному пониманию познания. Объединившись на пути к неизвестной цели, ученый и философ отправляют в архив мечту о *grand tour*, миф об источниках познания и миф о единственном изначальном основании. Теперь начинается приключение окольным путем (*detour*), бесконечное странствие вдоль подвижной границы, вечно сдвигающейся и преобразующей черты новой истории.